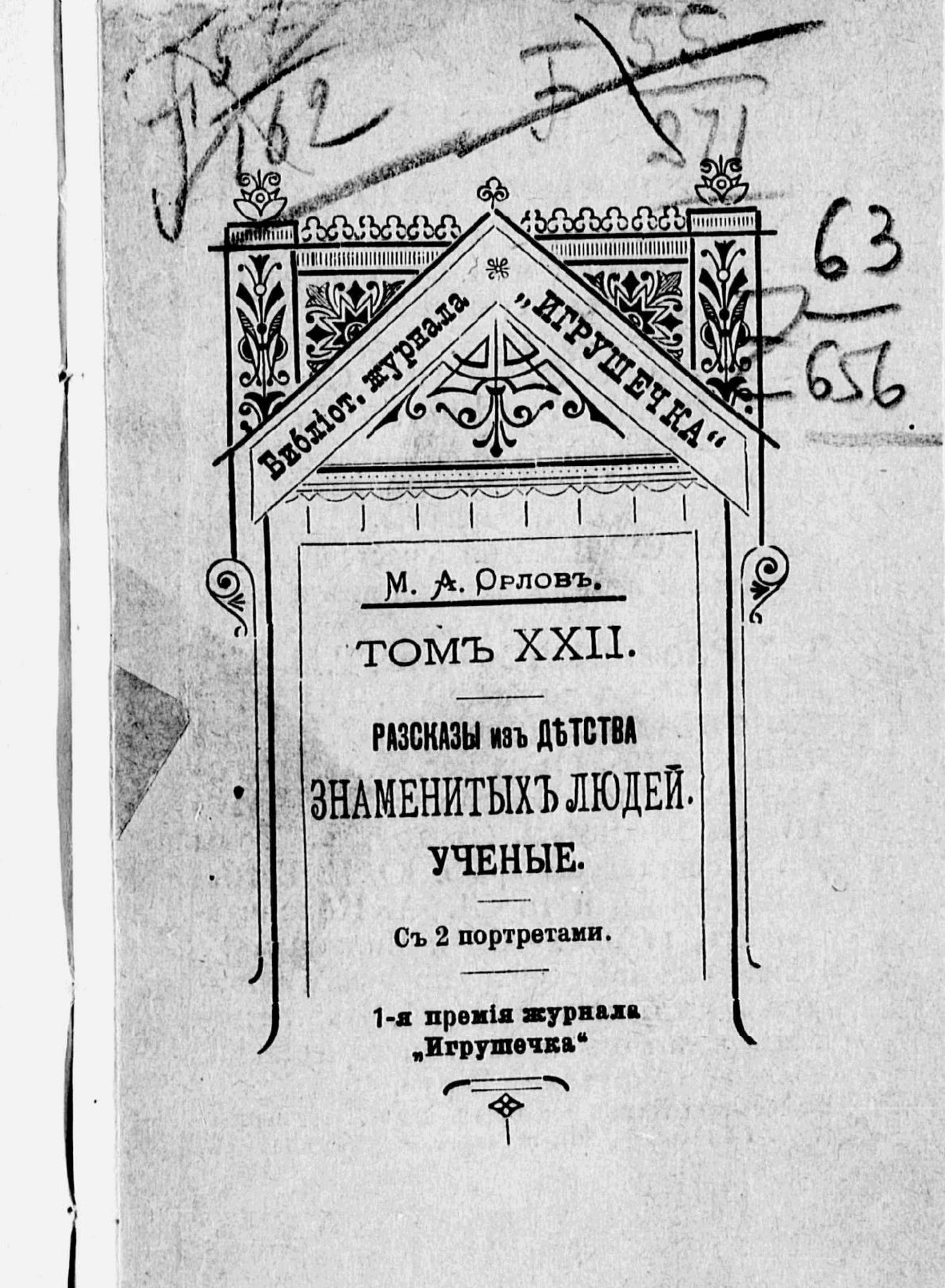

М. А. Орловъ.

ТОМЪ XXII.

РАЗСКАЗЫ изъ ДѢТСТВА ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

УЧЕНЫЕ.

Съ 2 портретами.

1-я премiя журнала „Игрушечка"

БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА".

Томъ XXII.

РАЗСКАЗЫ изъ ДѢТСТВА ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

УЧЕНЫЕ.

Съ 2 портретами.

СОСТАВИЛЪ
М. А. ОРЛОВЪ.

1-я премія журнала „Игрушечка".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

озволено ценз. СПБ., 9 декабря 1900 г.

Типогр. Минист. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117

М. В. Ломоносовъ.

Когда вы читаете о приключеніяхъ путешественниковъ или охотниковъ гдѣ нибудь въ дальнихъ странахъ, среди льдовъ на далекомъ сѣверѣ или въ дѣвственныхъ лѣсахъ Африки и Америки, вамъ невольно хочется самимъ испытать всѣ эти страхи и опасности, эти бури, грозы, встрѣчи съ страшными звѣрями и дикарями.

*

Но не всякому интересны такія страшныя приключенія. Иной любитъ читать о военныхъ людяхъ и битвахъ, иной о природѣ, о травахъ и деревьяхъ, о звѣряхъ, о птицахъ, о разныхъ любопытныхъ машинахъ и снарядахъ. У всякаго свой вкусъ, но вкусъ къ чему нибудь у каждаго навѣрное есть; каждый чѣмъ нибудь занимается, интересуется, восхищается; каждый думаетъ о томъ, что, когда

онъ выростетъ большой, то самъ будетъ либо путешественникомъ, либо ученымъ, либо изобрѣтателемъ какихъ нибудь мудреныхъ машинъ, смотря по вкусу и врожденной склонности.

Но для того, чтобы этого добиться, то-есть стать кѣмъ нибудь, хотя бы изобрѣтателемъ, надо долго и упорно работать. Надо учиться, надо все узнать, все научиться дѣлать. Все это будетъ не очень трудно, если у маленькаго бу-

дущаго ученаго или путешественника есть отецъ и мать, которые о немъ позаботятся, научатъ его всему, отдадутъ въ школу, въ гимназію, потомъ въ университетъ. Тогда ему остается только самому не плошать, т. е. не лѣниться, а порѣшивъ сдѣлаться тѣмъ, что ему по вкусу и по душѣ, усердно учиться.

Но далеко не всѣ такъ счастливы. Было много знаменитыхъ людей, славныхъ ученыхъ, путеше-

ственниковъ, изобрѣтателей, живописцевъ, которые родились въ глубокой бѣдности, даже въ полной нищетѣ; родители ихъ были люди простые, крестьяне либо ремесленники, и конечно, хотѣли, чтобы ихъ дѣти были такими же простыми тружениками, какъ они сами. У нихъ не было средствъ на то, чтобы дать дѣтямъ хорошее образованіе, да они, по своей простотѣ, часто и не понимали—зачѣмъ ихъ дѣ-

тямъ образованіе, къ чему тратить на него время и послѣднія деньги.

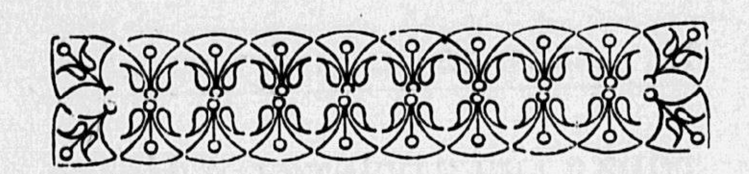
Вотъ такимъ-то дѣтямъ было особенно трудно пробиться къ той будущности, о которой они мечтали. Тутъ надо было бороться и съ родителями, которые не отпускали учиться, и съ нуждою, иногда даже съ полною нищетою. Каждому, кто къ чему нибудь стремится, кто хочетъ устроить свою судьбу по своей склонности, очень

полезно познакомиться съ жизнью, а особенно съ дѣтствомъ этихъ великихъ тружениковъ, узнать, какъ они боролись съ нуждою и съ разными препятствіями, и какъ они одолѣли эти препятствія и достигли своей цѣли—стали тѣмъ, чѣмъ хотѣли сдѣлаться.

Въ этой книжечкѣ мы разскажемъ вамъ о знаменитыхъ ученыхъ, которые въ дѣтствѣ своемъ должны были одолѣть много препятствій, потратить

много труда и проявить много воли, вытерпѣть самую горькую нужду, прежде, чѣмъ стать на ту дорогу, на которую ихъ вела врожденная склонность. Начнемъ наши разсказы съ нашего соотечественника, русскаго человѣка, архангельскаго мужичка Ломоносова.

I.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сынъ простого крестьянина, жителя Архангельской губерніи. Если у васъ есть такія же книжечки, какъ эта, высланныя нами въ прошломъ году, то откройте одну изъ нихъ, ко-

торая называется „Наша Родина“. Тамъ вы увидите картинку, на которой представлена самая дальняя сѣверная граница нашего отечества, идущая по берегу огромнаго, вѣчно покрытаго льдами моря, Сѣвернаго Ледовитаго Океана. Вотъ по берегу этого моря и растянулась просторная Архангельская губернія. Климатъ тамъ суровый, холодный; зима долгая, страшно морозная, а лѣто корот-

кое. Тамъ народу трудно прокормиться хлѣбопашествомъ, потому что суровый климатъ не позволяетъ разводить никакихъ хлѣбовъ, кромѣ ржи, да ячменя, да и тѣ родятся только въ южной части губерніи, а на крайнемъ сѣверѣ, по берегу Ледовитаго Океана и вовсе нельзя разводить никакого хлѣба. По этому, жители сѣверной части губерніи занимаются для своего пропитанія разными про-

мыслами: — рубятъ лѣсъ, который тамъ растетъ въ изобиліи, выдѣлываютъ разныя вещи изъ дерева, а поморы, то есть жители морского прибрежья строятъ изъ этого лѣса большія морскія лодки и на нихъ носятся по волнамъ моря, занимаясь рыбною ловлею.

Отецъ Михаила Васильевича Ломоносова былъ крестьянинъ, промышлявшій торговлею лѣсомъ и рыболовствомъ.

Онъ жилъ въ небольшой деревнѣ Денисовкѣ, близъ уѣзднаго города Холмогоръ. Этотъ городъ и считается родиною Ломоносова.

Отецъ его не былъ бѣднымъ человѣкомъ. У него было нѣсколько штукъ своихъ морскихъ судовъ; на этихъ судахъ онъ промышлялъ въ морѣ, то-есть ловилъ разную рыбу и торговалъ ею. Хотя онъ былъ родомъ простой крестьянинъ, но по зажи-

точности и по занятіямъ его скорѣе надо было считать за промышленника или за купца.

Первый сынъ его, Михаилъ, родился въ 1712 году. Его мать скоро умерла, а отецъ, овдовѣвъ, женился на другой женѣ, которая не взлюбила мальчика и обращалась съ нимъ не хорошо. Надо полагать, что послѣ смерти родной матери, Михаилу жилось плохо, но онъ ничего не

разсказывалъ никому о своемъ раннемъ дѣтствѣ. Отецъ видѣлъ, что мачиха не любитъ своего пасынка и потому, когда самъ уѣзжалъ изъ дома на промыселъ, то обыкновенно бралъ съ собою и сынишку. Мальчикъ съ самаго ранняго возраста, лѣтъ съ десяти, уже привыкъ жить на водѣ, на суднѣ, привыкъ къ морю, къ непогодамъ, къ вольному, свѣжему воздуху, ко всѣмъ случайностямъ

и опасностямъ мореходства и морского промысла. И вышло такъ, что до двѣнадцати лѣтъ маленькій Михаилъ не научился даже и грамотѣ. Въ тѣ времена далеко не во всѣхъ семьяхъ учили грамотѣ, даже и среди горожанъ; а среди крестьянъ грамотные люди были очень рѣдки. Но отецъ Ломоносова, какъ человѣхъ съ хорошими средствами, не поскупился обучить своего сына гра-

мотѣ. Онъ нанялъ какого-то грамотѣя, изъ своихъ же деревенскихъ жителей, и тотъ научилъ мальчика читать по славянски, то-есть читать тѣ книги, по которымъ читаютъ священное писаніе въ церквахъ во время службы. Теперь дѣти въ два-три мѣсяца выучиваются свободно, бѣгло читать и писать; а въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, учили насъ плохо, такъ медленно, что иной

разъ ученикъ еще и черезъ годъ послѣ начала ученья не умѣлъ читать. Но Михаилъ Ломоносовъ оказался хорошимъ, старательнымъ и понятливымъ ученикомъ; черезъ два года онъ уже совсѣмъ свободно читалъ церковныя книги, такъ что его стали допускать читать ихъ въ церкви, во время службы. Всѣ сосѣди, бывая въ церкви, и видя такого мальчика свободно читающимъ свя-

тыя книги, дивились на него; тогда это было всѣмъ въ диковину.

Нужно вамъ сказать, что въ тѣ времена почти вся грамота только въ томъ и состояла, чтобы научиться читать книги, напечатанныя по-славянски. Русскія книги въ то время еще только начали печатать, и эти книги были большою рѣдкостью; иные благочестивые люди считали даже, что грѣхъ и читать такія книги,

что грамотѣ надо учиться только для того, чтобы читать „божественное", то-есть священное писаніе и церковныя книги.

Когда при царѣ Петрѣ Великомъ начали, наконецъ, печатать книги на русскомъ языкѣ, то прежде всего, конечно, позаботились напечатать книги полезныя, разные учебники — грамматики, ариѳметики; вы знаете, что это за книги и мы не станемъ вамъ здѣсь

объяснять, что такое грамматика, что такое ариѳметика; если вы еще этого не знаете, то вамъ это объяснятъ и самыя книги покажутъ ваши старшіе братья и сестры, которые уже учатся. Такъ вотъ и при Ломоносовѣ можно было видѣть только разныя учебныя книги, напечатанныя *гражданской печатью.* Книги на русскомъ языкѣ, не духовныя, такъ и назывались гражданскими и бук-

вы азбуки, которыми они печатались, назывались гражданскими, а священныя и церковныя книги духовными. Эта разница остается и до теперешняго времени. Возьмите Евангеліе или библію или Псалтирь; вы увидите, что они напечатаны особыми буквами, которыя даже не всѣ похожи на русскія; это и есть славянскія буквы.

Ломоносову было лѣтъ пятнадцать, когда онъ

впервые увидалъ книги гражданской печати, то-есть недуховныя. Одна изъ нихъ была какъ разъ грамматика, а другая—арифметика. Онъ увидалъ ихъ у знакомаго крестьянина. При видѣ этихъ книгъ у молодого Михаила Ломоносова вдругъ поднялась неодолимая страсть къ чтенію, къ знанію, къ образованію. Ему захотѣлось тотчасъ прочитать и даже выучить обѣ эти книги. Онъ сталъ просить

того крестьянина — одолжить ему эти книги; но тотъ отказалъ наотрѣзъ, онъ, надо полагать, считалъ эти книги большою драгоцѣнностью, и боялся, что малый ихъ истреплетъ, замараетъ, а можетъ быть и совсѣмъ затеряетъ. Но Ломоносовъ уже не могъ сладить съ овладѣвшею имъ страстью; онъ рѣшилъ добиться этихъ книгъ во что бы то ни стало и для этого совершилъ даже не совсѣмъ честный посту-

покъ; онъ свелъ большую дружбу съ сыновьями стараго крестьянина, владѣльца этихъ книгъ, и уговорилъ ихъ, чтобы они дали ему книги безъ вѣдома отца. Съ того времени онъ не разставался ни на минуту съ этими книгами и выучилъ ихъ обѣ наизусть. Сколько у него было непріятностей изъ-за этихъ книгъ. Онъ сидѣлъ надъ ними цѣлые дни, стараясь ихъ понять, а понять безъ помощи знаю-

щаго человѣка было очень трудно. Отецъ и мачиха сердились на него за то, что онъ попусту тратитъ время, потому что у старыхъ людей простая книга, не „божественная“, считалась пустяками, которыми не стоитъ заниматься. Дошло до того, что ему пришлось бѣжать изъ дома. Къ этому его главнымъ образомъ побуждала вдругъ въ немъ проснувшаяся неутолимая жажда знанія. Эти двѣ книги

словно открыли ему какой-то новый, невѣдомый міръ. Ему захотѣлось учиться, захотѣлось все знать, пріобрѣсти какъ можно больше знаній. Но какъ это сдѣлать? Надо было спросить о томъ, гдѣ и какъ надо учиться. Но у кого могъ спросить объ этомъ Ломоносовъ? Его деревенскіе знакомые были почти всѣ люди неграмотные; его учитель только и умѣлъ читать славянскія книги. Оставался одинъ

только мало-мальски ученый человѣкъ — это священникъ тамошней сельской церкви.

Ломоносовъ понималъ, что никто другой, кромѣ этого священника не наставитъ его на надежный путь; къ нему нашъ любознательный юноша и обратился съ разспросами: — гдѣ и какъ можно *всему* выучиться, чтобы стать настоящимъ ученымъ. Священникъ былъ, конечно, удивленъ такой просьбой: — онъ никогда еще не видывалъ деревенскаго мальчика, которому вдругъ съ чего то вздумалось сдѣлаться ученымъ. Самъ онъ, какъ и всѣ священники, кое-чему учился и помнилъ только, что для учености необходимо знать латинскій языкъ.

Не забывайте, что все, о чемъ мы здѣсь разсказываемъ происходило сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ; теперь многіе деревенскіе мальчики знаютъ

почти столько же, сколько во времена Ломоносова зналъ сельскій священникъ.

Когда Ломоносовъ узналъ, что для достиженія высшей учености надо знать латынь, онъ, разумѣется, тотчасъ порѣшилъ узнать этотъ премудрый языкъ, который теперь изучаетъ всякій гимназистъ, а тогда знали только великіе ученые. Но, опять таки, гдѣ и у кого выучиться этому языку?

Священникъ могъ дать на это только одинъ отвѣтъ: — латинскому языку можно выучиться только въ Москвѣ, въ Петербургѣ, либо въ Кіевѣ, а больше негдѣ.

Ломоносовъ задумался. Легко сказать — поѣхать изъ Холмогоръ, въ Петербургъ или въ Москву! Теперь до Архангельска проведена желѣзная дорога, по которой можно въ три дня доѣхать до Москвы, нужны только деньги для уплаты за про-

ѣздъ. Во время Ломоносова о желѣзныхъ дорогахъ никто еще и не думалъ въ Россіи первая желѣзная дорога построена всего только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Значитъ надо было ѣхать въ Москву на лошадяхъ, а на это требовались такія деньги, о которыхъ молодому Ломоносову нельзя было и думать. Оставалось одно:— идти въ Москву пѣшкомъ.

Для того, чтобы вы поняли какъ велика была

у Ломоносова жажда къ знанію, вы должны знать что̀ это было за путешествіе, которое онъ задумалъ. Отъ Москвы до Архангельска болѣе 1000 верстъ по желѣзной дорогѣ, а въ прежнее время, по простымъ дорогамъ было еще гораздо больше. Такимъ образомъ Ломоносову предстояло итти отъ своихъ Холмогоръ до Москвы больше тысячи верстъ. Здоровый крѣпкій человѣкъ, идя каждый день,

можетъ проходить въ день не больше тридцати верстъ; значитъ, еслибъ Ломоносовъ шелъ безъ отдыха, то ему надо было бы итти больше мѣсяца.

Но упорный мальчикъ нисколько не испугался этого ужаснаго пути. Онъ долго думалъ о своемъ замыслѣ, и наконецъ, твердо рѣшился. Въ началѣ декабря 1730 года, въ легкій морозъ, онъ ушелъ изъ родительскаго дома и тронулся въ путь.

Конечно, ему легче было бы совершить путешествіе лѣтомъ; но тогда пришлось бы еще ждать, а его мучило нетерпѣнье. Притомъ подвернулся благопріятный случай. Въ то время изъ Холмогоръ каждую зиму тянулись большіе обозы съ рыбою въ Москву. И вотъ какъ разъ въ то время и собрался въ Москву такой рыбный караванъ; люди, снаряжавшіе этотъ караванъ были знакомы Ломоносову;

онъ попросилъ ихъ, чтобы они взяли его съ собою и тѣ согласились.

Впрочемъ, о его бѣгствѣ изъ Холмогоръ есть разные разсказы. Одинъ изъ его ученыхъ друзей разсказывалъ, что Ломоносовъ пошелъ съ этимъ карованомъ не съ мѣста, то-есть не изъ Холмогоръ, а пустился пѣшкомъ вслѣдъ за этимъ караваномъ, и догналъ его верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ. Хозяинъ

каравана сначала не хотѣлъ брать его съ собой, должно быть боялся, какъ бы потомъ не вышло какихъ непріятностей за то, что онъ велъ съ собою бѣглаго. Но Ломоносовъ такъ просилъ, молилъ, плакалъ, что надъ нимъ сжалились и взяли его съ собою. Конечно, и съ караваномъ ему пришлось итти пѣшкомъ, но все таки это было лучше, чѣмъ итти тысячу верстъ одному, не зная дороги.

Когда прибыли въ Москву, Ломоносову пришлось плохо. Онъ очутился какъ въ лѣсу въ огромномъ, незнакомомъ городѣ. У него не было ни души знакомыхъ во всей Москвѣ. Рыботорговцы, съ которыми онъ путешествовалъ, въ Москвѣ тотчасъ занялись продажею своей рыбы и о Ломоносовѣ имъ было некогда думать. Да и что они могли бы ему посовѣтовать? Они и сами не знали Москвы, бывали въ

ней только по своимъ дѣламъ.

Но и тутъ опять къ бѣдному юношѣ пришелъ на выручку добрый случай. У хозяина каравана оказался въ Москвѣ знакомый — монахъ Заиконоспасскаго монастыря. Этотъ монахъ пришелъ повидаться съ своимъ знакомымъ и тутъ они разговорились о Ломоносовѣ. Хозяинъ каравана, смѣясь разсказывалъ монаху о чудномъ маломъ, который

увязался за обозомъ и умолялъ доставить его въ Москву, затѣмъ, чтобы тамъ учиться. Монахъ невольно обратилъ вниманіе на такую неслыханную страсть къ ученію; ему стало жаль юношу, онъ рѣшилъ принять въ немъ участіе, помочь ему. У нихъ при монастырѣ была школа, въ которой дѣтей обучали грамотѣ и, между прочимъ, латинскому языку, который Ломоносовъ такъ желалъ изучить. Мо-

нахъ похлопоталъ за него и Ломоносовъ скоро былъ принятъ въ эту школу.

Трудно ему было въ этой школѣ. Тамъ учились все дѣти, мальчики; онъ же былъ ужъ совсѣмъ юноша, крупный, дюжій, крѣпкій, настоящій деревенскій парень. Нечего и говорить о томъ, что шаловливые школьники жестоко досаждали насмѣшками своему долговязому товарищу. Вдобавокъ Ломоносовъ былъ безъ вся-

кихъ средствъ; надо было учиться, едва едва имѣя, что ѣсть и во что одѣться. Но нашъ герой уже сталъ на свой путь, пошелъ къ цѣли, о которой мечталъ съ такимъ жаромъ, и его не могли смутить и сбить съ пути такіе пустяки, какъ насмѣшки мальчиковъ и бѣдность.

Между тѣмъ, послѣ его ухода изъ отцовскаго дома, родители ужасно встревожились о немъ, малый куда-то пропалъ, не воз-

вращался домой и о немъ не было ни слуху, ни духу. Одно время думали, что онъ какъ нибудь погибъ, быть можетъ, утонулъ, заблудился, былъ убитъ или растерзанъ гдѣ нибудь въ лѣсу дикими звѣрями. Отецъ узналъ о немъ всю правду только тогда, когда рыбники, съ которыми путешествовалъ Ломоносовъ, вернулись назадъ, въ Холмогоры. Тогда они разсказали отцу, какъ Михаилъ присталъ къ нимъ по до-

рогѣ, какъ они его доставили въ Москву и какъ онъ тамъ поступилъ въ школу.

Отецъ тотчасъ ему написалъ. Онъ прощалъ его, уговаривалъ бросить ученіе, вернуться на родину; онъ обѣщалъ ему позаботиться о его судьбѣ, устроить его, даже сулилъ найти ему богатую невѣсту. Но Ломоносовъ хотѣлъ въ то время только одного — учиться, узнать все, и потому онъ не

отозвался на предложенія отца, а продолжалъ, нуждаясь и голодая, учиться въ своей школѣ.

Скоро онъ зналъ уже все, чему только было возможно научиться въ этой школѣ, выучился латинскому языку, потомъ греческому. Въ то же время онъ перечиталъ всѣ книги, какія только нашлись въ школѣ. Дошло до того, что эта школа уже не въ состояніи была ничего больше ему дать,

онъ все у нея взялъ, чему она могла научить; а между тѣмъ его попрежнему томила та же духовная жажда, то же стремленіе, какъ можно больше знать.

Тѣмъ временемъ случилось въ Россіи очень важное событіе:—въ Петербургѣ была основана Академія Наукъ. Трудно было бы разсказать вамъ въ точности, что такое Академія Наукъ. Это такое учрежденіе или заведеніе,

въ которомъ собраны самые крупные, знаменитые ученые со всего государства. Эти ученые заботятся о распространеніи образованія и знаній по всему государству, печатаютъ книги, подготовляютъ учителей для учебныхъ заведеній. Съ такими именно цѣлями и была во времена Ломоносова основана у насъ Академія Наукъ.

На первыхъ порахъ новая наша Академія по-

заботилась о томъ, чтобы въ Россіи было достаточное число учителей для всякихъ школъ и гимназій. Для того, чтобы подготовить этихъ учителей, Академія обратилась во всѣ тогдашнія русскія школы, и просило начальство этихъ школъ выслать въ Академію самыхъ лучшихъ учениковъ; вотъ этихъ то отборныхъ учениковъ въ Академіи и хотѣли хорошенько обучить, усовершенствовать во всѣхъ на-

укахъ и затѣмъ назначить ихъ въ учителя. Это требованіе Академіи пришло и въ школу Заиконоспасскаго монастыря, гдѣ учился Ломоносовъ. Начальство тотчасъ отобрало двѣнадцать учениковъ школы и въ ихъ число попалъ и нашъ Михаилъ Ломоносовъ.

Въ Академіи онъ тотчасъ обратилъ на себя общее вниманіе. Онъ оказался однимъ изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ свѣду-

*

щихъ учениковъ. Когда вскорѣ послѣ того пришлось посылать трехъ лучшихъ учениковъ для обученія за границу, то въ число этихъ трехъ попалъ и Ломоносовъ. Такимъ образомъ, простой крестьянскій мальчикъ, благодаря своей настойчивости, своей любви къ знанію, мало-по-малу одолѣлъ всѣ препятствія, и добился таки своего:—ему открылась возможность учиться за границею, у самыхъ

ученыхъ людей тогдашняго времени.

Мы не будемъ здѣсь разсказывать дальнѣйшей жизни Ломоносова, потому что мы хотимъ показать только, какъ иные знаменитые люди бились въ своемъ раннемъ дѣтствѣ и юности, чтобы достигнуть своей цѣли. Мы скажемъ только два слова о томъ, что въ концѣ концовъ, вышло изъ Ломоносова, чѣмъ онъ себя прославилъ.

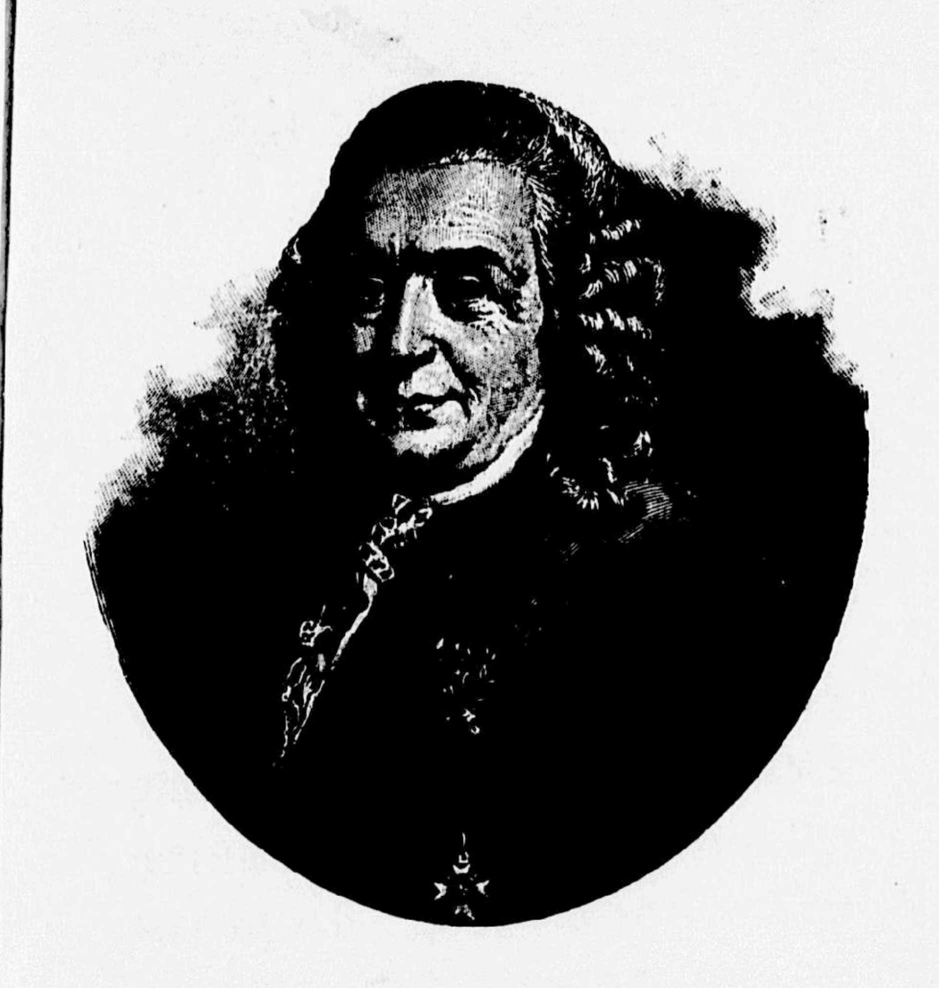
Ломоносовъ былъ первымъ нашимъ русскимъ ученымъ; раньше всѣ ученые, въ которыхъ нуждалась Россія, выписывались изъ чужихъ странъ. Ломоносовъ пріобрѣлъ себѣ огромныя свѣдѣнія; онъ все изучилъ, все зналъ, онъ написалъ много книгъ, которыя въ свое время были въ высшей степени полезны; онъ много потрудился надъ распространеніемъ образованія среди русскаго народа и юноше-

ства, онъ принималъ участіе въ учрежденіи школъ, гимназій, университета. Онъ былъ лично извѣстенъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ Великой. Обѣ Государыни очень любили его и цѣнили его заслуги Екатерина даже лично посѣщала его въ его домѣ.

За такія великія заслуги передъ родиною благодарные потомки почтили Ломоносова памятниками. Одинъ изъ нихъ вы мо-

жете видѣть въ Петербургѣ, въ Чернышевскомъ скверѣ.

К. Линней.

II.

Карлъ Линней.

Знаменитый ученый Карлъ Линней можетъ служить, еще больше, чѣмъ нашъ Ломоносовъ, какъ примѣръ упорнаго юноши, который добивается чего хочетъ, не смотря ни на какія препятствія.

Линней былъ родомъ шведъ; вы, вѣроятно, знае-

те, что родина шведовъ Швеція, наша сосѣдка, потому что эта страна прилегаетъ къ нашей Финляндіи. Въ Финляндіи и въ Петербургѣ встрѣчается много шведовъ.

Отецъ Карла Линнея былъ очень бѣдный деревенскій священникъ. Какъ это часто бываетъ, отецъ заранѣе самъ рѣшилъ, чѣмъ его сынъ долженъ быть, когда онъ выростетъ; онъ хотѣлъ, чтобы его сынъ былъ такой же

священникъ, какъ онъ самъ. Когда маленькій Карлъ подросъ, отецъ отдалъ его въ школу въ сосѣдній городокъ.

Пристроивъ сына онъ успокоился; ему казалось, что теперь все устроено, что Карлъ окончитъ школу, подготовитъ себя къ духовному званію, и въ концѣ концовъ получитъ такое же мѣсто, какое было у него.

Но не то было на умѣ у маленькаго Карла.

Этотъ ребенокъ былъ урожденный естествоиспытатель, натуралистъ. Надо вамъ объяснить, что естествоиспытателями или натуралистами называются тѣ ученые, которые изучаютъ природу — землю, ея зеленый растительный покровъ, водящихся на ней животныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые изучаютъ растенія—деревья, травы, цвѣты, плоды—называются ботаниками; тѣ, кто посвящаетъ себя изуче-

нію животныхъ—звѣрей, птицъ, рыбъ, букашекъ, червей и т. д., называются зоологами; наконецъ, тѣ, кто изучаетъ всевозможные камни, встрѣчающіеся на землѣ и подъ землею, называются минералогами. Три царства природы — растенія, животныя, камни изучаются въ особыхъ, отдѣльныхъ наукахъ—ботаникѣ, зоологіи и минералогіи. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, можетъ быть, уже

знаютъ это, но другіе могутъ и не знать, такъ что не мѣшаетъ растолковать имъ.

Итакъ, мы сказали, что Линней былъ урожденный натуралистъ. Его влекло къ цвѣтамъ, къ зелени, къ птицамъ, къ звѣрямъ. Онъ готовъ былъ бы цѣлые дни проводить на лугахъ и въ лѣсахъ, а его заперли въ скучную школу, гдѣ для него не было ровно ничего интереснаго. Къ духовному званію, къ

которому его готовилъ отецъ, Карлъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности. Въ школѣ была латынь, были скучныя книжки, а его влекло къ живой книгѣ, къ природѣ и ея дѣтищамъ.

Карлъ походилъ нѣкоторое время въ школу, а потомъ ему стало не въ мочь. Книжки надоѣли и опротивѣли ему; онъ сдѣлался отъявленнымъ лѣнтяемъ. Бѣдный отецъ долго ничего этого

не зналъ; онъ видѣлъ, что мальчикъ каждый день беретъ въ охапку свои тетрадки и книжки и идетъ въ школу, — значитъ ходитъ туда и учится. На самомъ же дѣлѣ Карлъ бросилъ вовсе ходить въ школу. Все то время, какое надо было проводить въ школѣ, онъ бродилъ по полямъ и лугамъ, съ любопытствомъ и восторгомъ разсматривая каждую травку, былинку, цвѣтокъ, ягоду,

букашку, червяка, — все, что ему ни попадалось. Иной разъ, увлекшись этимъ созерцаніемъ природы и ея чудесъ, Карлъ забывалъ время и являлся домой поздно вечеромъ. Эти странныя прогулки неизвѣстно гдѣ и въ какихъ мѣстахъ, стали, наконецъ, безпокоить его родителей. Отецъ навелъ справки въ школѣ, и тамъ ему сказали, что Карлъ давно отбился отъ ученья, что на него уже махнули

рукой, какъ на неисправимаго лѣнтяя, и что въ школу онъ давно и не заглядываетъ.

Можете себѣ представить, какъ пріятно это было узнать бѣдному отцу! Его охватило глубокое горе. Онъ такъ надѣялся на своего Карла, думалъ, что изъ него выйдетъ хорошій сельскій священникъ, а вмѣсто того изъ него вышелъ образцовый лѣнтяй. Нечего дѣлать— подумалъ отецъ, — коли

малый не хочетъ учиться въ школѣ, то надо же изъ него хоть что-нибудь сдѣлать; не хочетъ быть священникомъ, пусть будетъ мастеромъ. И, не долго думая, чтобы не терять времени, потому что времени и безъ того много пропало, — отецъ отдалъ Карла въ ученики къ башмачнику.

Пришлось покориться этой печальной участи. Скрѣпя сердце принялся бѣдный Карлъ тачать баш-

*

маки. Зимою ему было еще не такъ тяжело; на поляхъ въ это время лежалъ снѣгъ; не было ни цвѣтовъ, ни насѣкомыхъ и не зачѣмъ было ходить по полямъ, ничто туда не манило. Но сидѣть въ душной, темной мастерской башмачника въ ясный весенній или лѣтній день, когда все цвѣтетъ, растетъ, зрѣетъ, когда воздухъ оглашается стрекотаньемъ букашекъ, лѣсъ полонъ птичьяго пѣнія,—это была

ужасная пытка для бѣднаго мальчика.

Случалось, что Карлъ, пригвожденный къ своему рабочему табурету, принимался плакать горючими слезами, — до того ему тошно и тоскливо было въ мастерской и такъ хотѣлось на свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ. Но хозяинъ и товарищи грубо насмѣхались надъ нимъ; хозяинъ, человѣкъ суровый, въ случаѣ надобности, не задумался бы от-

пустить этому маленькому натуралисту хорошую колотушку, если бы тотъ вздумалъ увлечься своею страстью къ природѣ и уйти изъ мастерской. Надо было молча терпѣть и страдать.

Но каждое воскресенье для Карла наступалъ настоящій, блестящій праздникъ. Онъ былъ свободенъ, могъ уходить въ поле хоть на цѣлый день. Онъ захватывалъ съ собой кусокъ хлѣба и ухо-

дилъ куда глаза глядятъ. И каждая прогулка приносила ему какую-нибудь новую радость, потому что онъ подмѣчалъ въ живой природѣ что-нибудь новое, что раньше ему не было извѣстно. Такъ, напримѣръ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые цвѣты раскрываются утромъ всегда въ одинъ и тотъ же часъ, а вечеромъ закрываются тоже въ опредѣленный часъ. Онъ составилъ полный списокъ этихъ цвѣ-

товъ, который называется „Часами Флоры“. Это названіе дано въ честь древней римской богини цвѣтовъ, которая называлась Флорою.

На ловца и звѣрь бѣжитъ—говоритъ пословица. Есть еще и другая пословица—рыбакъ рыбака видитъ издалека. Такъ было и съ маленькимъ Линнеемъ. Однажды во время своей воскресной прогулки по лѣсамъ онъ встрѣтился съ какимъ-то

господиномъ, который, такъ же какъ и Карлъ, собиралъ травы и цвѣты, занимался ботаникою. Встрѣтясь, они тотчасъ разговорились. Незнакомецъ, поразспросивъ мальчика, пришелъ въ восхищеніе отъ его глубокихъ познаній въ ботаникѣ. Главное, тутъ видно было, что все это мальчикъ узналъ самъ, все видѣлъ своими глазами, всѣ свѣдѣнія имъ были пріобрѣтены безъ всякой посто-

ронней помощи. Этотъ незнакомецъ былъ докторъ, по фамиліи Ротманъ. Онъ сразу искренно полюбилъ любознательнаго молодого башмачника. Видя, что онъ знаетъ только то, что самъ видѣлъ, и что ему остается неизвѣстно многое, что извѣстно было въ то время въ ботаникѣ, Ротманъ далъ ему книгу, по которой Карлъ могъ научиться ботаникѣ какъ слѣдуетъ.

Но этимъ Ротманъ не

удовольствовался. Онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Карломъ тогдашнему знаменитому натуралисту ученому Стобеусу. Тотъ въ свою очередь очень заинтересовался этимъ мальчуганомъ. Повидавшись съ Карломъ, Стобеусъ рѣшилъ выручить его изъ башмачной мастерской и устроилъ Линнея такъ, что тотъ могъ поступить въ университетъ, и заняться правильнымъ и серіознымъ изуче-

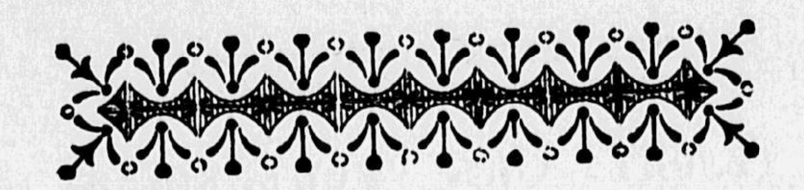
ніемъ естественной исторіи. Поступивъ въ университетъ Линней очутился въ большой бѣдности; тутъ ему даже пригодилось ремесло башмачника; онъ сталъ брать въ починку обувь своихъ товарищей и этимъ зарабатывалъ себѣ небольшія деньги. Но мало-по-малу его дѣла поправились; онъ все продолжалъ учиться и сталъ знаменитъ и славенъ.

Линней—это одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ

знаменитыхъ натуралистовъ. Многіе считаютъ его отцомъ естественной исторіи. И онъ заслуживаетъ этого названія, потому что до него всѣ эти науки были въ полномъ безпорядкѣ, особенно ботаника; онъ первый привелъ ихъ въ настоящій порядокъ. Его имя теперь сплошь и рядомъ попадается во всѣхъ книгахъ, въ которыхъ описываются растенія; слѣды, которые онъ оставилъ въ этой

наукѣ, ботаникѣ, до сихъ поръ еще живы и быть можетъ никогда не исчезнутъ.

III.

Валентинъ Дюваль.

Едва ли кому нибудь изъ знаменитыхъ ученыхъ довелось вытерпѣть въ дѣтствѣ такую страшную, такую гнетущую нищету какъ Дювалю.

Его отецъ былъ простой бѣднѣйшій французскій крестьянинъ - земле-

дѣлецъ. Онъ умеръ, когда его сыну Валентину минуло всего только десять лѣтъ. Несчастная его вдова, у которой осталась на рукахъ куча дѣтей, не знала, что дѣлать, какъ прожить самой, какъ прокормить своихъ голодныхъ и оборванныхъ ребятишекъ. Валентинъ былъ ея старшій сынъ. Какой-то сосѣдъ сжалился надъ осиротѣвшей и обнищавшей семьей и взялъ Валентина къ себѣ. Само

собою разумѣется, что онъ не хотѣлъ кормить мальчишку даромъ и заставилъ его работать—пасти индюшекъ.

Валентинъ былъ мальчикъ въ высшей степени любознательный; будущій ученый сказывался въ немъ съ дѣтства въ его необычайной пытливости; все ему хотѣлось знать, а все, что онъ узнавалъ, ему хотѣлось провѣрить на опытѣ. Такъ вышло у него и съ индюшками.

Онъ слыхалъ, что красный цвѣтъ очень раздражаетъ этихъ птицъ. Вотъ ему и захотѣлось узнать— правда ли это? Онъ досталъ гдѣ-то красный лоскутокъ и повязалъ его на шею одному изъ хозяйскихъ индюковъ. Птица въ самомъ дѣлѣ взбѣсилась и умерла отъ избытка волненья. Хозяинъ, къ несчастью, узналъ объ этомъ опытѣ, страшно разсердился на Валентина и прогналъ его отъ себя.

Что было дѣлать бѣдному мальчугану? Итти къ матери? Но онъ зналъ, что тамъ и безъ него цѣлая семья сидитъ голодная; прибавлять къ этой кучѣ голодныхъ ртовъ еще одинъ лишній ротъ не было бы никакого смысла. Мальчикъ рѣшился просто-на-просто итти, куда глаза глядятъ, въ смутной надеждѣ найти себѣ гдѣ-нибудь уголъ и пропитаніе.

Надо еще при этомъ

замѣтить, что въ то время Франція вела войну, и вся страна была разорена этой войною. Вдобавокъ, дѣло было зимою, а зима выдалась страшно холодная.

Мальчикъ заходилъ во всѣ встрѣчныя деревни, стучался въ каждый домъ, вездѣ просилъ, чтобы его пріютили, дали ему какую-нибудь работу. Но холодъ и голодъ были повсюду и сердца людей невольно загрубѣли, стали

нечувствительны къ чужому горю. Никто не хотѣлъ взять мальчика.

Дюваль самъ въ своихъ запискахъ подробно разсказываетъ объ этомъ своемъ горестномъ странствованіи. Онъ страшно озябъ и проголодался, у него разболѣлась голова, такъ что ему начало казаться, что она у него лопнетъ. Онъ постучался въ первую попавшуюся дверь и попросился ночевать; его положили спать

въ овечій хлѣвъ. Онъ нѣсколько согрѣлся, но у него все болѣла голова. На утро, когда хозяинъ дома пришелъ къ нему въ хлѣвъ, онъ тотчасъ увидалъ, что у мальчика началась оспа. Сначала онъ хотѣлъ было удалить его со двора, но потомъ сжалился и дозволилъ ему остаться въ этомъ же хлѣвѣ. Онъ даже принесъ какую-то старую одежду и обернулъ ею мальчика, а потомъ зарылъ его въ

навозъ, перекрестилъ и оставилъ такъ на волю Божію:—будь, что будетъ! Хозяинъ былъ увѣренъ, что мальчикъ погибнетъ отъ оспы. Но Богъ спасъ его. Онъ согрѣлся въ тепломъ, парномъ навозѣ и мало-по-малу оправился.

Пока Валентинъ лежалъ въ навозѣ больной, хозяинъ не терпѣлъ отъ него никакого убытка, потому что у больного не было никакого аппетита и не было надобности его

кормить. Но когда онъ сталъ поправляться, добрый хозяинъ пришелъ въ большое затрудненіе; у него у самого почти что нечего было ѣсть. Онъ могъ предложить мальчику только болтушку изъ муки, приправленную солью, этой болтушкой онъ и питался двѣ недѣли. Потомъ хозяинъ сталъ давать ему жидкій супъ съ черствымъ хлѣбомъ. Морозы были такъ сильны въ ту зиму, что у маль-

чика въ хлѣвѣ замерзала вода, которую ему приносили для питья. Но и это скудное кормленье продолжалось не долго. Скоро у хозяина истощились всѣ средства. Тогда онъ пошелъ къ священнику и разсказалъ ему про больного мальчика, прося его какъ-нибудь устроить бѣднаго ребенка, котораго онъ больше не въ состояніи держать у себя. Священникъ согласился принять мальчика

къ себѣ. Его вынули изъ этого теплаго навознаго ложа, завернули въ разныя старыя тряпки, обмотали еще сѣномъ, чтобы онъ не замерзъ, положили на осла и отвезли къ священнику. Дорогою онъ такъ окоченѣлъ отъ холода, что опасались, не отморозилъ ли онъ себѣ чего-нибудь—рукъ, ногъ или ушей. Поэтому, прежде чѣмъ внести его въ теплое помѣщеніе, его на всякій случай оттерли снѣгомъ,

какъ это обыкновенно дѣлаютъ съ ознобившимися.

Черезъ нѣсколько времени здоровая, деревенская натура мальчугана справилась съ болѣзнью; онъ выздоровѣлъ и слегка окрѣпъ. Добрый священникъ, который его пріютилъ заботился о немъ какъ о родномъ сынѣ; онъ положилъ его въ теплой комнатѣ, на чистой кровати. Но когда мальчикъ выздоровѣлъ, священникъ сейчасъ же объ-

явилъ ему, что дольше держать его у себя не можетъ. Мы уже упомянули о томъ, что зима тогда стояла суровая, и вдобавокъ, во Франціи шла война, которая совсѣмъ разорила народъ; людямъ самимъ было нечего ѣсть, не чѣмъ было топить печи, чтобы согрѣть жилища въ эту суровую стужу, и потому нельзя было и думать о томъ, чтобы кромѣ своихъ домашнихъ прокармливать еще посторонниxъ.

Поэтому, не надо удивляться, что священникъ, съ такою готовностью принявшій къ себѣ больного мальчика, держалъ его у себя только до тѣхъ поръ, пока это было необходимо, чтобы дать ему выздоровѣть и оправиться, а потомъ прямо и откровенно сказалъ ему, что держать его дольше у себя не можетъ.

Нечего было дѣлать, надо было уходить, куда глаза глядятъ. Бѣдный

Валентинъ, еще слабый послѣ болѣзни, брелъ на-удачу. Мѣстами добрые люди пускали его погрѣться и давали кусокъ хлѣба, но никто не соглашался оставить его у себя; даромъ кормить его не было возможности; всѣ сами обнищали и самимъ нечего было ѣсть. Работы въ зимнее время тоже ни у кого никакой не находилось.

Такъ онъ шелъ, шелъ, все не находя надежнаго

пристанища, и прошелъ не меньше сотни верстъ. Наконецъ, въ одной деревенькѣ, какой-то пастухъ сжалился надъ нимъ и взялъ его себѣ въ подпаски, то-есть въ помощники, смотрѣть за скотиною. У этого пастуха Валентинъ и прожилъ около двухъ лѣтъ.

Мѣсто, гдѣ онъ поселился было очень глухое, лѣсистое. Не надо забывать, что все, что мы разсказываемъ здѣсь,

происходило уже давно, около двухсотъ лѣтъ тому назадъ. Въ тѣ времена было еще много огромныхъ, дикихъ, пустынныхъ лѣсовъ. Случалось, что старые благочестивые люди проникались желаніемъ уединиться, жить вдали отъ людей и предаваться молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ. Обыкновенно такіе люди уходили куда-нибудь далеко въ дикіе лѣса, въ горы, тамъ строили себѣ небольшія

жилища, чтобы только можно было въ нихъ укрыться отъ непогоды, и жили такъ часто вплоть до самой смерти. Такіе люди назывались отшельниками и пустынниками. Встрѣчаются они и теперь, но рѣже, потому, что народъ размножается, прежніе дремучіе лѣса вырубаются, вездѣ выстраиваются новыя жилища, новыя деревни, города, и отшельникамъ стало некуда уходить, негдѣ уединяться

стъ людей. А въ то время, когда жилъ Валентинъ Дюваль, такихъ пустынныхъ мѣстъ было еще много повсюду.

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ поселился у пастуха маленькій Валентинъ, въ лѣсу жилъ старый отшельникъ, по имени Палемонъ. Валентинъ, пася скотъ въ лѣсу, случайно набрелъ на его избушку. Старецъ заговорилъ съ нимъ, и мальчикъ очень ему понравился своимъ

умнымъ и бойкимъ разговоромъ. Палемонъ сразу полюбилъ его. Послѣ того Валентинъ часто видался съ старичкомъ, и вотъ однажды тотъ предложилъ мальчику поселиться у него въ избушкѣ, и помогать ему въ его работахъ, а за это обѣщалъ выучить его грамотѣ.

Валентинъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе и тотчасъ перебрался на житье къ старцу Палемону. Скоро онъ

*

выучился читать и началъ проявлять большую любознательность. Самъ Палемонъ былъ человѣкъ простой, едва грамотный, и не могъ многому научить усерднаго мальчика. Но ему нравилось, что ребенокъ такъ горячо стремится къ знаніямъ, и онъ порѣшилъ помочь ему. Неподалеку отъ него былъ другой скитъ, гдѣ жило четверо отшельниковъ. Всѣ они были грамотные, и Палемонъ зналъ, что у

нихъ есть разныя книги. Онъ отвелъ къ нимъ мальчика и разсказалъ о томъ, какъ мальчику хочется учиться; отшельники тотчасъ согласились принять его къ себѣ и онъ немедленно переселился къ нимъ.

Здѣсь ему стало лучше жить. У этихъ отшельниковъ было хорошее жилье и они дали ему небольшую отдѣльную комнатку. Онъ пасъ ихъ коровъ, помогалъ имъ обрабатывать ихъ землю. За это

одинъ изъ старцевъ взялся обучить его письму; прежній старецъ Палемонъ даже и вовсе не умѣлъ писать, а умѣлъ только читать. Но, къ сожалѣнію, новый учитель Валентина былъ дряхлый старикъ, рука у него тряслась отъ старости, писать ему было трудно и буквы у него выходили неровныя, неразборчивыя; притомъ много писать онъ не могъ, уставала рука. Чтобы не утомлять старика, Вален-

тинъ просилъ его только написать ему буквы, а потомъ взялъ кусокъ стекла, наложилъ его на буквы, написанныя старикомъ, и сверху, на оборотной сторонѣ стекла, обводилъ ихъ острою палочкою. Такимъ образомъ онъ пріучилъ свою руку къ фигурамъ буквъ, потомъ началъ ихъ чертить углемъ на доскѣ или палочкою на землѣ и такъ постепенно научился писать. Онъ, впрочемъ, самъ

признается, что писалъ въ то время прескверно, потому что буквы, начертанныя рукою старика, были очень некрасивыя, кривыя, неровныя.

Итакъ, мальчуганъ выучился грамотѣ вполнѣ; онъ ужъ умѣлъ читать и писать. Съ этого времени его одолѣла ненасытная жажда знанія. Вы подумайте только о томъ, что вѣдь это былъ не городской мальчикъ, не сынъ богатыхъ родителей. Маль-

чикъ изъ семьи людей достаточныхъ въ свое время отдается въ школу, учится, читаетъ и легко можетъ пристраститься къ знанію. Времени свободнаго у него сколько угодно; онъ одѣтъ, сытъ, ему не о чемъ заботиться, за него заботятся обо всемъ родители; значитъ, была бы охота— учись, читай сколько хочешь. Совсѣмъ иное дѣло такой несчастный, нищій деревенскій мальчикъ, какимъ былъ Валентинъ Дю-

валь. Онъ цѣлый день долженъ былъ работать въ полѣ, въ огородѣ, либо пасти скотъ; казалось бы, когда тутъ думать о грамотѣ, объ ученьи? Человѣкъ такъ устанетъ за день, что ему только бы добраться до постели и лечь спать. А между тѣмъ, благородная страсть къ знанію заставляла этого несчастнаго, нищаго мальчугана забывать объ усталости, о снѣ, и всѣ свои

свободныя минуты посвящать чтенію.

У стариковъ отшельниковъ нашлось нѣсколько книжекъ, между прочимъ, какая-то старинная ариѳметика. Когда мы разсказывали о Ломоносовѣ, мы уже говорили о томъ, что такое ариѳметика. Валентинъ съ жаромъ прочиталъ эту книжку, выучилъ ее и скоро научился обращаться съ числами—считать, дѣлать сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣ-

леніе. Онъ часто въ свободное время, то-есть ночью, потому что днемъ онъ всегда былъ занятъ хозяйственными работами, уходилъ въ лѣсъ, и тамъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно и дѣлалъ въ умѣ разные ариѳметическіе разсчеты.

Сидя въ своемъ лѣсномъ уголкѣ по ночамъ, Валентинъ часто любовался на звѣзды; онъ задумывался надъ этими кучками свѣтлыхъ точекъ, и, глядя на

нихъ мечталъ—Богъ вѣсть о чемъ, мечталъ такъ, какъ мечтаютъ дѣти, смутно, неопредѣленно. Въ числѣ книгъ, которыя были у отшельниковъ, ему попался календарь. Валентинъ, по своей страсти къ чтенію, не пропустилъ и календаря; онъ внимательно прочиталъ его. Въ календарѣ было, между прочимъ, сказано, когда и въ какое время солнце вступаетъ въ разные небесные знаки, которые

были названы именами разныхъ животныхъ — скорпіона, тельца, т.-е. быка, овна, т.-е. барана, и т. д. Валентинъ ровно ничего въ этомъ не понялъ. Что это за знаки на небѣ, и что это могло бы означать, что солнце въ такое-то время вступаетъ то въ одинъ, то въ другой изъ этихъ небесныхъ знаковъ? Подумайте о томъ, сколько дѣтей могли бы слышать объ этихъ знакахъ, даже спросить о нихъ, но по-

томъ сейчасъ же бы о нихъ и забыли. Но не таковъ былъ маленькій Валентинъ. Эти таинственные знаки застряли у него въ головѣ, и не хотѣли выходить оттуда. Онъ не могъ успокоиться, пока не узналъ, что это за знаки.

Прежде всего онъ, конечно, обратилъ глаза къ небу, разсчитывая увидать тамъ всѣхъ этихъ быковъ и барановъ, о которыхъ говорилось въ календарѣ.

Онъ влѣзъ на дерево, съ котораго открывался свободный и открытый видъ на небо. Но напрасно напрягалъ онъ свои глаза, онъ нигдѣ на всемъ небѣ не увидалъ никакой фигуры, которая ему хоть издалека напомнила бы животное. Тутъ онъ окончательно спутался, и не зналъ, что думать. Но небесные знаки все же не выходили у него изъ головы. Мальчикъ съ удивительнымъ упрямствомъ

думалъ о нихъ и старался ихъ постигнуть. Его выручилъ случай. Ему случилось быть на ярмаркѣ въ сосѣднемъ городкѣ. Тамъ онъ неожиданно, къ своему великому восторгу, въ первый разъ въ жизни увидалъ книжную лавку. Онъ остановился передъ нею, какъ вкопаный, и не могъ оторвать глазъ отъ этой груды книгъ; если бы ему позволили, онъ, кажется, такъ бы тутъ и остался, около

этихъ книгъ, читая ихъ, и забывъ о снѣ и о пищѣ. Вотъ тутъ-то, въ числѣ книгъ, онъ, между прочимъ, увидалъ и карту неба со звѣздами. Спросите у старшихъ, они покажутъ вамъ такую карту. На ней показаны всѣ звѣзды, которыя видно на небѣ. Древніе люди, смотря на небо, видѣли, что звѣзды расположены на немъ разными фигурами; каждая такая фигура называется созвѣздіемъ; для того, что-

бы ихъ отличать одно отъ другого, люди съ древнихъ временъ дали имъ разныя названія, по именамъ животныхъ — быкъ, жирафа, китъ, левъ, или по именамъ разныхъ знаменитыхъ въ древности людей, либо языческихъ боговъ—Пегасъ, Персей, Андромеда или просто по разнымъ предметамъ, напримѣръ, одно созвѣздіе назвали вѣсами. На многихъ, особенно старинныхъ картахъ неба эти кучки

звѣздъ обводили тѣми самыми фигурами, по которымъ даны имъ названія; такъ, напримѣръ, семь звѣздъ Большой Медвѣдицы помѣщались въ рисункѣ, изображавшемъ медвѣдя.

Вотъ такую-то карту съ рисунками тѣхъ предметовъ, по которымъ названы созвѣздія, и увидалъ Валентинъ. Надо замѣтить, что добрые старики-отшельники не хотѣли пользоваться даромъ

работою мальчика и платили ему, конечно, сущіе пустяки, но все же у него съ теченіемъ времени накопилось денегъ около шести франковъ; это будетъ на наши деньги рубля полтора. Онъ пошелъ въ лавочку и купилъ эту карту звѣзднаго неба, да у него еще хватило денегъ на покупку обыкновенныхъ географическихъ картъ, на которыхъ изображаются части свѣта — Европа, Азія, Африка, Америка, Австралія.

Теперь онъ только и дѣлалъ, что разсматривалъ свои карты. Скоро все небо, всѣ видимыя на немъ звѣзды были имъ заучены и ему затѣлось непремѣнно отыскать всѣ эти звѣзды и созвѣздія на небѣ. Но какъ это сдѣлать? Для этого надо знать страны свѣта, то-есть, сѣверъ, югъ, западъ, востокъ, надо умѣть ихъ находить; а Валентинъ еще совсѣмъ ничего о нихъ не зналъ. Долго онъ

бился, пока, наконецъ, одинъ изъ отшельниковъ не узналъ о его затрудненіяхъ. Добрый старикъ, хоть онъ и не очень былъ ученый человѣкъ, но все же зналъ, что такое страны свѣта, и какъ ихъ находить. Онъ разъяснилъ это, какъ съумѣлъ, мальчугану, да еще вдобавокъ далъ ему небольшой компасъ. Вы, вѣроятно, знаете, что такое компасъ? Это небольшая стальная съ обоихъ концовъ заостренная пла-

стиночка, насаженная серединою на острый шпинекъ. Такая пластиночка, конечно, надлежащимъ образомъ сдѣланная, обработанная, всегда оборачивается однимъ концомъ на сѣверъ. Значитъ, съ помощью компаса можно узнавать страны свѣта.

Такимъ образомъ у мальчика въ рукахъ былъ снарядъ, которымъ онъ опредѣлялъ гдѣ сѣверъ, а зная, гдѣ сѣверъ, онъ могъ находить и другія страны

свѣта—востокъ, югъ, западъ. Онъ уже успѣлъ вычитать въ одной книгѣ, что на сѣверной части неба есть одна звѣзда, которая всю ночь остается на одномъ мѣстѣ, тогда какъ всѣ другія звѣзды за ночь поднимаются либо опускаются по небу, словно совершая кругъ около этой неподвижной звѣзды. И вотъ Валентинъ началъ искать эту звѣзду; онъ много ночей подърядъ не отрывалъ глазъ отъ

неба, слѣдя то за одной, то за другой звѣздой; но всѣ онѣ перемѣняли мѣсто, и пришлось ихъ бросать одну за одной и наблюдать за другою. Не мало времени потратилъ онъ, пока нашелъ эту звѣзду. Спросите у кого нибудь изъ вашихъ старшихъ, они покажутъ вамъ эту звѣзду; она называется „Полярною звѣздою“. Зная ее, не трудно узнать всѣ другія звѣзды на небѣ. У Валентина,

какъ мы уже сказали, была куплена карта звѣзднаго неба; имѣя ее передъ глазами и зная, гдѣ находится Полярная звѣзда, онъ, хоть и не мало потрудился, а все же въ концѣ концовъ узналъ всѣ звѣзды, узналъ, какъ какая называется и какъ называются всѣ созвѣздія. Это было для него большое торжество. И, опять-таки, не забывайте, что надъ всѣмъ этимъ старался простой, нищій де-

ревенскій мальчишка; весь день онъ возился на огородѣ—копалъ землю, поливалъ, сажалъ, косилъ, жалъ, ходилъ за коровами, уставалъ, конечно, ужасно; а какъ приходила ночь—бѣжалъ въ свой лѣсной уголокъ и цѣлыми часами глядѣлъ на небо, забывъ о снѣ и отдыхѣ. Подумайте, какую надо было имѣть въ себѣ жажду знанія!

Теперь Валентинъ узналъ, какъ ему казалось,

все небо; надо было, значитъ, приниматься за землю. Передъ этимъ онъ прочиталъ нѣсколько книжекъ изъ библіотеки своихъ хозяевъ - отшельниковъ; въ этихъ книгахъ разсказывалось о древнихъ людяхъ, грекахъ, римлянахъ, описывались разныя древнія страны, разные города. И ему страшно захотѣлось знать, что это за страны, что это за города, гдѣ они находятся. Мы уже гово-

рили о томъ, что онъ купилъ себѣ тогда на ярмаркѣ между прочимъ и карту пяти частей свѣта. Вотъ и принялся онъ по этой картѣ открывать всѣ эти древніе города. Но дѣло въ томъ, что карта-то была новая, а не древняя; древніе, давно уже погибнувшіе города, на ней не могли быть обозначены. Конечно, онъ не находилъ ихъ на картѣ, не смотря на свое ужасное упорство. Вдобавокъ,

чтобы понимать географическую карту, надо имѣть хоть небольшія свѣдѣнія по географіи, а у Валентина не было никакихъ.

Долго онъ бился безъ всякаго толку, пока его вновь не выручилъ случай. Однажды онъ пошелъ въ ближайшій монастырь и тамъ увидалъ одного монаха, читавшаго какую-то книгу; эта книга какъ разъ и была географія. Не помня себя отъ радости, Валентинъ на-

чалъ умолять монаха дать ему прочитать эту книжку. Тотъ съ удовольствіемъ далъ, и вотъ нашъ босоножка ученый живо прочиталъ ее и этимъ сразу подвинулъ впередъ свои познанія.

Съ тѣхъ поръ жажда учиться охватила все его существо, сдѣлалось въ немъ неодолимою страстью. У него опять прикопились деньжонки. Кромѣ того, что ему платили монахи, онъ много добывалъ

еще охотою за дикими звѣрями. Лѣсъ около скита былъ глухой, дикій, въ немъ водились лисицы, хорьки, горностаи, разныя птицы; Валентинъ ловилъ ихъ въ силки, которые самъ же и дѣлалъ, и продавалъ въ ближнемъ городѣ. Такимъ путемъ у него накопилось денегъ около ста рублей — цѣлое богатство! Скопивъ это сокровище, онъ отправился къ своему пріятелю книготорговцу и накупилъ

у него кучу книгъ, издержалъ на нихъ всѣ свои деньги и даже задолжалъ; лавочникъ, видя въ простомъ мальчикѣ такую охоту къ ученію, охотно ему повѣрилъ въ долгъ.

Съ этихъ поръ для Валентина началось настоящее блаженство. Его крошечная каморка была вся завалена книжками, а на стѣнахъ и даже на потолкѣ онъ прилѣпилъ свои карты. А въ скоромъ времени ему вновь пришелъ

на помощь счастливый случай. Идя по улицѣ сосѣдняго городка, онъ нашелъ на землѣ большую золотую печать. Онъ тотчасъ объявилъ черезъ полицію о своей находкѣ. Скоро нашелся и владѣлецъ этой печати, богатый и ученый англичанинъ Форстеръ. Онъ былъ пораженъ честностью этого простого, деревенскаго мальчугана; и разговорившись съ нимъ, тотчасъ увидалъ, какъ много Ва-

*

лентинъ знаетъ, какъ онъ стремится къ знанію, и подарилъ ему до сотни разныхъ цѣнныхъ книгъ изъ своей библіотеки. За этимъ случаемъ скоро послѣдовалъ другой, еще болѣе благопріятный для нашего маленькаго героя.

Запасшись цѣлою библіотекою, онъ устроилъ себѣ настоящій ученый кабинетъ въ лѣсу, въ глухомъ, хорошо укрытомъ мѣстечкѣ. Какъ свободная минутка — онъ тотчасъ

убѣгалъ туда и садился за свои карты и книги. И вотъ однажды, когда онъ лежалъ, растянувшись на травѣ, окруженный цѣлымъ ворохомъ книгъ и картъ, къ нему подошелъ какой-то незнакомый господинъ и спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Учусь географіи, отвѣчалъ мальчуганъ.

— Да развѣ ты что-нибудь понимаешь въ ней? съ удивленіемъ спросилъ незнакомецъ. Его очевид-

но поразилъ убогій видъ этого ребенка, и онъ никакъ не могъ понять, откуда у этого оборвыша взялось столько книгъ.

— Какъ же я бы сталъ учиться, если бы ничего не понималъ? бойко отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ незнакомецъ,—скажи мнѣ, что ты теперь ищешь?

— Ищу дорогу въ городъ Квебекъ; я хочу туда отправиться и учиться

въ тамошнемъ университетѣ.

— Вотъ какъ! сказалъ незнакомецъ;—но зачѣмъ же тебѣ ѣхать такъ далеко, вѣдь университеты есть гораздо ближе отсюда?

А надо вамъ сказать, что этотъ городъ Квебекъ находится въ Америкѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины Валентина, тогда какъ ближайшіе университеты были отъ него всего лишь въ 100—200 верстахъ.

Этотъ незнакомецъ былъ не кто иной, какъ владѣлецъ, тѣхъ мѣстъ, герцогъ Леопольдъ Лотарингскій. Онъ былъ пораженъ обширными свѣдѣніями бѣднаго деревенскаго мальчика, его неодолимою жаждою знаній, и тотчасъ же рѣшилъ взять его подъ свое покровительство. Съ этихъ поръ жизнь и будущность мальчика была обезпечены: Герцогъ отдалъ его на свой счетъ въ хорошую школу

и онъ вышелъ оттуда настоящимъ ученымъ.

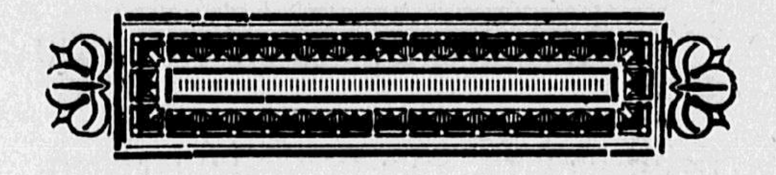
Дальнѣйшей судьбы его мы уже не будемъ описывать. Приведемъ здѣсь только одинъ случай изъ его жизни. Этотъ случай показываетъ, какъ добръ былъ этотъ человѣкъ, какъ онъ помнилъ свое тяжелое, полное нищеты и лишеній дѣтство, и какъ желалъ помочь другимъ людямъ въ ихъ нуждѣ.

Однажды ему случилось быть гдѣ-то въ очень бѣд-

ной деревенькѣ, быть можетъ въ такой же бѣдной, какъ та, въ которой онъ самъ родился на свѣтъ. День былъ жаркій, Дюваль мучился жаждою и попросилъ пить. Пошли за водою и очень долго, съ полчаса не несли ее. Дюваль, наконецъ, спросилъ, отчего такъ долго не даютъ ему пить. Ему отвѣчали, что за водою приходится ходить очень далеко, чуть не за версту. Добрый Дюваль тотчасъ

пожалѣлъ этихъ бѣдныхъ людей, у которыхъ нѣтъ подъ рукою самаго важнаго, что нужно въ домашней жизни—воды. И тотчасъ же далъ денегъ, чтобы въ деревнѣ вырыли колодецъ.

IV.

Винченціо Вивіани.

Винченціо Вивіани, знаменитый итальянскій ученый, имѣлъ въ дѣтствѣ почти такую же судьбу, какъ Валентинъ Дюваль. Онъ жилъ еще раньше Дюваля. Винченціо Вивіани родился болѣе чѣмъ за 250 лѣтъ до нашего времени. Мы, конечно, не нарочно

выбираемъ такіе примѣры, то-есть, разсказываемъ про людей, жившихъ сотни лѣтъ тому назадъ. Только въ тѣ времена и могли быть случаи, когда человѣку приходилось выбиваться изъ нищеты самому, собственными силами. Теперь любой деревенскій мальчикъ можетъ учиться въ школѣ; если онъ окажется съ хорошими способностями, то всегда найдутся люди, которые его замѣтятъ, позаботятся о

немъ, не дадутъ ему пропасть. А двѣсти—триста лѣтъ тому назадъ образованныхъ и даже просто грамотныхъ людей было такъ мало, что иной способный мальчикъ даже въ большомъ городѣ оставался совершенно незамѣченнымъ, потому что некому было его замѣтить. И потому выбивались изъ тьмы, пробивали себѣ путь къ свѣту только особыя натуры, богато одарен-

ныя и жаждою знанія и силою воли.

Винченціо Вивіани родился въ небольшой деревенькѣ, близъ большого и богатаго итальянскаго города Флоренціи. Отецъ его былъ самый бѣдный крестьянинъ, не знавшій какъ прокормить свою многочисленную семью. Винченціо, его старшій мальчикъ, съ самаго ранняго дѣтства проявилъ большія способности. Всѣ удивлялись въ немъ его необы-

чайному дару все понимать съ перваго слова, часто съ одного намека; достаточно было ему что-нибудь показать, растолковать въ короткихъ словахъ, и мальчикъ самъ уже до всего дойдетъ, додумается, все пойметъ; не было надобности ничего подробно и долго объяснять, какъ говорится, разжевывать, онъ все схватывалъ на лету. Азбуку ему только одинъ разъ кто-то показалъ и ска-

залъ названія буквъ; не успѣли оглянуться—а онъ ужъ началъ читать; онъ самъ сѣлъ за книгу, самъ припомнилъ всѣ буквы, все сообразилъ, все понялъ и выучился грамотѣ безъ посторонней помощи, воспользовавшись только указаніемъ на то, что такое буква и какъ изъ буквъ составляются слоги и слова. Однажды кто-то коротко разсказалъ ему, какъ надо считать, какъ изъ единицы образуется

2, 3, 4, 5 и такъ далѣе. Онъ выслушалъ это объясненіе, самъ все потомъ обдумалъ, набралъ какихъ-то деревянныхъ чурбашечекъ и съ помощью ихъ сталъ дѣлать такіе разсчеты, что всѣ только дивились, глядя на него. А въ это время ему не было еще и десяти лѣтъ.

Случилось однажды, что деревенскій священникъ перевелъ ему нѣсколько строкъ съ латинскаго языка на итальянскій. Вин-

ченціо тотчасъ запомнилъ этотъ переводъ. Потомъ онъ взялъ какую-то книгу, написанную по-латыни и, слово за слово, вспоминая переводъ, который ему сдѣлалъ священникъ, онъ прочиталъ всю книгу, понялъ ее, перевелъ, и съ этихъ поръ сталъ понимать латинскія книги. Правда, латинскій языкъ очень похожъ на итальянскій, все равно какъ нашъ славянскій, на которомъ написаны наши

церковныя книги, похожъ на русскій; но все же, если бы, напримѣръ, вамъ объяснили по русски только одну молитву, положимъ „Отче Нашъ“, вы едва ли бы по этому объясненію добрались до того, чтобы свободно читать любую славянскую книгу; у васъ на это не достало бы умѣнья, а главное терпѣнья.

Какъ и во всемъ, что только онъ видѣлъ, маленькій Винченціо пока-

зывалъ тотъ же удивительный умъ и догадливость. Случалось ему заходить иной разъ къ какому-нибудь деревенскому мастеру. Тотъ что-нибудь дѣлаетъ, какую-нибудь вещь, и никакъ не можетъ съ нею сладить, не можетъ сообразить, какъ сдѣлать.—„Да ты вотъ какъ дѣлай“ — научитъ его маленькій Винченціо. И въ самомъ дѣлѣ, подаетъ такой вѣрный и

дѣльный совѣтъ, что всѣ дивятся его разуму.

Такъ и росъ маленькій Винченціо и дожилъ до двѣнадцати лѣтъ. Мы уже сказали, что отецъ его былъ очень бѣдный человѣкъ, которому иной разъ нечѣмъ было кормить свою семью. Видя, что сынъ его вышелъ такимъ умнымъ и способнымъ мальчуганомъ, старый Вивіани рѣшилъ отпустить его на всѣ четыре стороны; пускай, дескать,

самъ идетъ куда хочетъ и ищетъ своего счастья, авось не пропадетъ съ такимъ умомъ и сметливостью.

И вотъ однажды онъ собрался съ духомъ, подозвалъ къ себѣ сынишку и сказалъ ему:

— Ну, милый мой мальчикъ, ты теперь ужъ подросъ; у тебя есть силы, а главное есть разумъ; тебѣ пора самому работать, самому о себѣ позаботиться. А у меня, ты

самъ видишь, нечѣмъ кормить васъ всѣхъ. Иди себѣ съ Богомъ, ищи себѣ работы. Господь тебя не оставитъ; найдутся добрые люди, помогутъ тебѣ.

Потомъ они обнялись, всплакнули и разстались. Мальчуганъ одѣлся по дорожному, захватилъ узелокъ съ бѣльемъ и одеженкою, положилъ въ карманъ нѣсколько мѣдныхъ монетокъ, которыя ему далъ отецъ, и пустился въ путь. Онъ пошелъ

искать счастья прямо во Флоренцію.

Шелъ онъ босикомъ, чтобы напрасно не изнашивать обуви. Ему думалось, что обувь еще понадобится въ городѣ, что тамъ надо быть понаряднѣе, для того, чтобы понравится городскимъ жителямъ, расположить ихъ къ себѣ и добиться отъ нихъ помощи. Подходя къ городу, онъ остановился у рѣки, выкупался, надѣлъ все чистое,

обулся и такъ принарядившись вступилъ въ городскія улицы.

Онъ въ первый разъ въ жизни попалъ въ городъ. Его поразила и ослѣпила городская роскошь. Флоренція въ то время была однимъ изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ. Великолѣпные дворцы итальянскихъ богачей и родовитыхъ, знатныхъ людей и теперь еще признаются образцовыми, роскошными

постройками; нашъ же деревенскій мальчуганъ только ротъ разѣвалъ отъ изумленія, глазѣя на нихъ; ничего такого ему никогда и не снилось.

Онъ шелъ на удачу по улицамъ, еще и самъ хорошо не сознавая, куда онъ собственно идетъ, куда ему надо, къ кому ему обратиться. И вотъ въ одной улицѣ онъ вдругъ остановился передъ магазиномъ, въ которомъ продавались какія-то стран-

ныя, никогда имъ невиданныя вещи, какіе-то снаряды, машины. Мы уже говорили о томъ, до какой степени маленькій Винченціо былъ любознателенъ; притомъ его всегда особенно занимали всякія машины, все хитрое, надъ чѣмъ надо было подумать, чтобы понять, къ чему оно служитъ, какъ устроено, какъ дѣйствуетъ. Перебѣгая глазами съ одной вещи на другую, мальчикъ остановился на какомъ-то

ящикѣ, который его особенно занялъ. Онъ долго съ мучительнымъ любопытствомъ разглядывалъ этотъ таинственный ящикъ и ничего не могъ въ немъ понять. На этотъ разъ его врожденная догадливость не помогла ему. Другой бы на его мѣстѣ поглазѣлъ и пошелъ своею дорогою; но не таковъ былъ маленькій Вивіани. Не съумѣвъ самъ отгадать, что это за вещь, онъ рѣшилъ войти въ ма-

газинъ и спросить о ней у хозяина.

Сказано—сдѣлано. Онъ вошелъ въ лавку и спросилъ. Привѣтливый хозяинъ тотчасъ ему объяснилъ, что это панорама. Вы навѣрное видали эти панорамы на ярмаркахъ, на балаганахъ. Это просто запросто ящикъ, у котораго въ одну стѣнку вставлено увеличительное стекло, а у противоположной стѣнки помѣщаются картинки, которыя

разсматриваются въ это стекло. Теперь панорама, какъ мы уже сказали, показывается на балаганахъ, но въ то время, когда жилъ Вивіани, это была хитрая и рѣдкая штука, о которой рѣдко кто и слыхивалъ.

Винченціо сейчасъ же сообразилъ своимъ живымъ умомъ, что съ этакою штукою можно нажить деньги. Стоитъ ее купить и потомъ ходить и показывать ее по дерев-

нямъ и брать за это деньги. При панорамѣ было много картинокъ, — портретъ римскаго папы, изображенія разныхъ святыхъ, которыхъ почитаетъ итальянскій народъ, изображенія рая, ада и много другихъ; все это, конечно, могло быть очень интересно для простого народа.

Мальчикъ, сообразивъ это предпріятіе, тотчасъ выложилъ передъ купцомъ всѣ деньги, какія у него были и спросилъ—довольно ли этихъ денегъ, и продастъ ли за нихъ купецъ этотъ заманчивый ящикъ?

Купецъ посмотрѣлъ на эти гроши, улыбнулся, и сказалъ ему:

— Нѣтъ, мой дружокъ. Если бы у тебя было въ десять разъ больше денегъ, и то ихъ было бы мало; эта вещь очень дорогая. Купить ее у меня ты не можешь. Но я вижу, ты малый честный, я могу тебѣ повѣрить. Мы вотъ

какъ сдѣлаемъ:—я отдамъ тебѣ эту панораму въ наемъ. Ты будешь ее носить гдѣ хочешь, показывать кому угодно, и брать за это какую хочешь плату, это ужъ твое дѣло. Каждую недѣлю ты будешь приходить ко мнѣ и показывать, что ты выручилъ за эту недѣлю; я буду съ тебя брать долю изъ этой выручки. А потомъ, если, Богъ дастъ, разживешься день-

жонками, можешь и купить у меня ее.

Обрадованный Винченціо тотчасъ согласился на это предложеніе, взялъ у купца панораму и пошелъ съ ней по окрестнымъ деревнямъ, показывать папу, святыхъ, рай и адъ. Деревенская публика очень охотно смотрѣла на эту диковину, но нельзя сказать, чтобы охотно раскошеливалась. Правда, итальянское простонародье ужасно бѣдно, и ему не отку-

*

да было взять денегъ, чтобы много платить за развлеченіе, которое ему доставлялъ Винченціо своею панорамою. Во всякомъ случаѣ, честный мальчикъ акуратно приносилъ купцу всю свою выручку за недѣлю, и тотъ никогда его не обижалъ, всегда бралъ на свою долю не очень большую часть, кое-что оставлялъ мальчику, чтобы ему хватало хоть на пропитаніе.

А между тѣмъ, постоянная ходьба съ мѣста на мѣсто давала себя знать; у Винченціо скоро износились башмаки, а новыхъ было не на что купить. Онъ рѣшилъ не ходить по окрестностямъ города, а показывать панораму только въ городѣ. Онъ обыкновенно выходилъ на улицу и останавливался всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, чтобы къ нему привыкли. Выбралъ онъ, конечно, такое мѣсто, гдѣ

всегда толпится много народа. И здѣсь, опять таки, охотниковъ до зрѣлища было много, а плательщиковъ очень мало. Терпѣливый и настойчивый мальчикъ не унывалъ, но все же начиналъ подумывать о томъ, чтобы предпринять для своего пропитанія что-нибудь другое; панорама, очевидно, не могла составить его счастья.

Часто бываетъ въ жизни такихъ даровитыхъ и упорно рвущихся къ образованію дѣтей, что ихъ выручаетъ случай. Такъ случилось и съ Винченціо Вивіани. Однажды онъ стоялъ съ своею панорамою на улицѣ и напрасно поджидалъ охотниковъ полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ. Былъ холодный, дождливый вечеръ, на улицѣ никого не было. Мальчикъ былъ въ большомъ горѣ; за весь тотъ ненастный день онъ почти ничего не выручилъ, и ему не на что было ку-

пить хлѣба, нечѣмъ было заплатить за ночлегъ. Онъ съ отчаяніемъ оглядывался во всѣ стороны, но улица была совсѣмъ пустынна, всѣ попрятались отъ дождя по домамъ. И вотъ вдругъ, послѣ долгаго ожиданія, онъ увидалъ наконецъ какого-то господина, который видимо спѣшилъ добраться до дому. Мальчуганъ тотчасъ побѣжалъ къ нему и началъ жалобно умолять его, чтобы онъ взглянулъ въ его

панораму, иначе ему негдѣ будетъ ночевать и нечего ѣсть.

Добродушный прохожій сжалися надъ измокшимъ и голоднымъ ребенкомъ и подошелъ къ его панорамѣ. Винченціо показалъ ему всѣ свои картины и незнакомецъ очень внимательно выслушалъ его ясныя и толковыя объясненія. Мальчикъ, видя въ немъ внимательнаго слушателя, увлекся разговоромъ, объяснилъ все уст-

ройство панорамы. Онъ иногда подолгу разговаривалъ объ устройствѣ разныхъ машинъ и снарядовъ съ своимъ пріятелемъ, купцомъ, который далъ ему панораму; тотъ давно уже замѣтилъ умъ и любознательность мальчика и охотно ему все разсказывалъ. Всѣ свои запасы свѣдѣній, полученныхъ отъ купца, Винченціо и выложилъ передъ незнакомцемъ; его особенно радовало то, что этотъ зритель его панорамы такъ охотно его слушаетъ, такъ хорошо все понимаетъ и задаетъ все такіе умные и интересные вопросы.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что незнакомецъ такъ хорошо все зналъ и такъ поразилъ Винченціо своими знаніями. Случай натолкнулъ мальчика не на кого иного какъ на самого Галилея, одного изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ, какіе только были въ образован-

ныхъ странахъ за послѣднія пятьсотъ лѣтъ. Въ свое время, когда вы начнете учиться географіи вы тотчасъ узнаете кто былъ Галилей и что онъ сдѣлалъ для науки; теперь же достаточно будетъ сказать вамъ, что Галилей первый осмѣлился утверждать, что не солнце ходитъ кругомъ земли, а земля вокругъ солнца. Въ то время всѣ слѣпо вѣрили, что земля неподвижна, что она стоитъ въ самой серединѣ, въ

центрѣ всего міра, и что солнце, луна, звѣзды, всѣ свѣтила небесныя вращаются, ходятъ вокругъ земли. Кто вздумалъ бы утверждать обратное, тотъ, конечно, вызвалъ бы противъ себя большое раздраженіе, потому что люди вообще очень не любятъ, когда задѣваютъ ихъ старые, закоренѣлые предразсудки и вѣрованія. Галилей открыто выступилъ противъ этихъ старыхъ, всѣми принятыхъ въ его время взгля-

довъ, и жестоко поплатился; его преслѣдовали за это какъ нечестивца, проповѣдующаго вредныя новыя мысли, его судили и держали въ тюрьмѣ.

Вотъ этотъ-то человѣкъ и подошелъ къ панорамѣ Винченціо въ тотъ дождливый вечеръ и долго бесѣдовалъ съ мальчикомъ. Всѣ отвѣты, всѣ разъясненія мальчика показывали, что онъ одаренъ отъ природы большимъ и рѣдкимъ умомъ и сообрази-

тельностью, а его упорная возня съ этою панорамою, желаніе во что бы то ни стало завоевать ею свое счастье указывали на его трудолюбіе, настойчивость, на упорное стремленіе къ своей цѣли. Все это прельстило знаменитаго ученаго. Онъ увелъ мальчугана къ себѣ, вскорѣ полюбилъ его какъ родного и затѣмъ усыновилъ его.

Впослѣдствіи Вивіани сдѣлался однимъ изъ самыхъ славныхъ математи-

ковъ, то-есть ученыхъ, которые занимаются вычисленіями.

V.

Петръ Ларамэ или Рамусъ.

Разскажемъ еще нѣкоторыя черты изъ дѣтства извѣстнаго французскаго ученаго Петра Ларамэ, прозваннаго Рамусомъ. Его судьба напоминаетъ судьбу Дюваля и Вивіани; онъ тоже былъ простымъ деревенскимъ мальчикомъ,

изъ самой бѣдной и нищей семьи. Ему было восемь лѣтъ когда онъ остался круглымъ сиротою, безъ крова и пристанища, безъ куска хлѣба. Въ родной деревнѣ ему не къ кому было обратиться за помощью. Смѣлый и рѣшительный мальчикъ скоро послѣ смерти родителей собралъ въ тощій узелокъ свою убогую одежонку и пошелъ искать счастья прямо въ Парижъ—главный городъ Франціи. Всего любопытнѣе то, что маленькій Петръ шелъ въ Парижъ не просто за поисками какого-то невѣдомаго и случайнаго счастья; нѣтъ, онъ очень хорошо зналъ, зачѣмъ туда шелъ; онъ, какъ и нашъ Ломоносовъ, ушелъ изъ своей деревни за тѣмъ, чтобы учиться, онъ твердо рѣшилъ сдѣлаться ученымъ. Въ деревнѣ же его никто ничему научить не могъ; ему изъ за куска хлѣба могли поручать только

пасти гусей; онъ нѣкоторое время и въ самомъ дѣлѣ былъ пастухомъ, какъ Валентинъ Дюваль, о которомъ мы разсказали, но скоро врожденное стремленіе къ знанію овладѣло имъ, онъ бросилъ своихъ гусей и ушелъ въ Парижъ.

Онъ шелъ, конечно, наугадъ по улицамъ громаднаго города, невольно останавливаясь отъ изумленія передъ огромными домами, дворцами, статуями и рос-

кошными магазинами, которыхъ онъ не видывалъ отъ роду. Благодаря случаю онъ направилъ свои шаги какъ разъ въ ту часть Парижа, гдѣ издавна помѣщались всѣ главныя училища города. Въ это время уроки во всѣхъ заведеніяхъ кончались и нашъ мальчуганъ попалъ въ густую толпу школьниковъ, высыпавшихъ изъ своихъ классовъ. Они, по своей обычной манерѣ, обступили мальчика, тот-

часъ распознали въ немъ „деревенщину“ и начали строить надъ нимъ разныя штуки и продѣлки. Долго они потѣшались надъ нимъ, задавали ему разные глупенькіе вопросы. Но между ними нашелся одинъ добрый мальчикъ, который замѣтилъ, что этотъ бѣдный деревенскій выходецъ много прошелъ пѣшкомъ, навѣрное очень усталъ и проголодался. Онъ тотчасъ спросилъ его не хочетъ ли онъ ѣсть и предложилъ

ему кусокъ хлѣба. Узнавъ, что мальчикъ усталъ и голоденъ другіе школяры тоже притихли, усадили маленькаго Петра тутъ же на улицѣ, усѣлись сами вокругъ него, и когда онъ поѣлъ и немножко отдохнулъ начали его разспрашивать, кто онъ, откуда, зачѣмъ пришелъ въ Парижъ?

Петръ тотчасъ разсказалъ имъ все съ полною откровенностью, главное же, конечно, настойчиво и

много разъ повторилъ о своемъ твердомъ намѣреніи учиться и стать ученымъ. Но въ Парижѣ у него никого не было, онъ не зналъ, къ кому обратиться, кого просить. Видя теперь передъ собою эту толпу учениковъ разныхъ школъ, онъ началъ умолять ихъ, чтобы они взяли его къ себѣ простымъ слугою; онъ брался услуживать имъ всѣмъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они дали ему уголъ гдѣ жить,

кормили бы его, а главное учили бы его тому, чему сами они учатся, позволяли бы читать книги, по которымъ они сами учились. Школьники тотчасъ на это согласились. Они жили вмѣстѣ цѣлыми компаніями; вотъ, одна изъ такихъ компаній и пріютила у себя маленькаго Петра Ларамэ.

Для него началась трудная жизнь. Цѣлые дни ему некогда было и подумать объ ученьи; надо

было дѣлать все, что обычно дѣлаетъ прислуга —убирать комнаты, чистить одежду своихъ хозяевъ школьниковъ, бѣгать по городу съ ихъ порученіями. Кормили они его не особенно то сытно; все это былъ народъ безпечный, безпорядочный; деньги, которыя имъ давали родители, они тотчасъ проматывали на разные пустяки, а потомъ и сами сидѣли впроголодь и Петру изъ-за нихъ нечего было ѣсть. Изрѣдка,

впрочемъ, то одинъ, то другой изъ нихъ усаживались съ маленькимъ Петромъ за книжку, подучали его школьной мудрости, то есть латинскому и греческому языкамъ. Способный мальчуганъ прекрасно пользовался этими тощими уроками; онъ быстро все запоминалъ, а что ему не досказывали до того быстро додумывался самъ. Онъ, впрочемъ, и не думалъ роптать на свою участь и былъ совершенно доволенъ.

Онъ жилъ въ Парижѣ, имѣлъ уголъ, былъ сытъ и учился — это главное; больше ему ничего и не нужно было.

Но это благополучіе тянулось недолго. Подошло лѣто, ученики сдали экзамены и разъѣхались по домамъ на каникулы. Петръ Ларамэ остался опять безъ крова и хлѣба. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ появилась страшная болѣзнь, чума; Петръ испугался ее и порѣшилъ на

время снова вернуться въ свою деревню. Тамъ онъ прожилъ четыре года, опять-таки перебиваясь со дня на день, въ пастухахъ. Но эта суровая нищета нисколько не отбила у него охоты къ ученью. Онъ все время не переставая мечталъ о своемъ миломъ Парижѣ, и когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ онъ вновь пошелъ въ столицу, и, по старой памяти, направился прямо въ школьную часть города.

На этотъ разъ ему сразу посчастливилось; его приняли сторожемъ въ одно изъ училищъ. Онъ подметалъ полы, вытиралъ мебель, вообще приводилъ въ порядокъ все помѣщеніе классовъ. Весь день онъ проводилъ въ этой работѣ. Ночью же наставала очередь науки. Петръ по прежнему учился жадно и неутомимо. Книгъ онъ теперь могъ доставать сколько угодно. Но вотъ бѣда: у него не было

свѣчъ, чтобы заниматься по ночамъ. Въ лунныя ночи онъ довольствовался свѣтомъ луны, но въ темныя ночи его глазамъ приходилось плохо; онъ тогда припасалъ углей, разжигалъ ихъ одинъ за другимъ, раздувалъ и при этомъ ничтожномъ свѣтѣ все читалъ, читалъ и читалъ! Подумайте, сколько надо было таить въ себѣ любви къ знанію, чтобы не спать по ночамъ, послѣ утомительнаго рабо-

чаго дня, и портить себѣ глаза, читая при трепетномъ свѣтѣ пылающаго угля!

Днемъ, во время уроковъ, онъ пользовался каждою свободною минуткою, чтобы слушать, что преподаютъ учителя въ классахъ. Онъ, простой сторожъ, конечно, не могъ входить въ классную комнату; поэтому онъ подкрадывался къ дверямъ и притаившись слушалъ уроки въ щелку или въ за-

мочную скважину. По ночамъ онъ записывалъ все, что узнавалъ за день, въ особую тетрадь; эта тетрадь была записью, сводомъ всей его учености, всего, что онъ вычиталъ изъ книгъ или подслушалъ у дверей классныхъ комнатъ.

И вотъ однажды случилось, что эта тетрадка какъ-то попала въ руки одного изъ учителей той школы, гдѣ Петръ служилъ сторожемъ. Учитель

былъ человѣкъ умный и добрый. Онъ былъ глубоко пораженъ знаніями этого убогаго двѣнадцатилѣтняго классснаго сторожа; онъ просто не вѣрилъ своимъ глазамъ, не могъ допустить, чтобы все это было вписано въ тетрадь рукою самого мальчугана. Онъ тотчасъ позвалъ къ себѣ Петра, спросилъ— точно ли эта тетрадка написана имъ, переспросилъ его обо всемъ, что въ тетради было записано и убѣдился въ томъ, что Петръ Ларамэ въ самомъ дѣлѣ все это давно уже знаетъ, и знаетъ твердо, хорошо, основательно. Растроганный учитель обнялъ мальчугана, взялъ его подъ свое покровительство, обезпечилъ его, какъ могъ, и пособилъ ему осуществить его завѣтную мечту — стать ученымъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о нѣкоторыхъ знаменитыхъ людяхъ, ко-

*

торые въ дѣтствѣ отличались замѣчательнымъ трудолюбіемъ, неодолимою охотою, страстью къ ученью. Мы не будемъ подробно разсказывать о ихъ дѣтствѣ, потому что у насъ не хватило бы мѣста въ этой маленькой книжечкѣ, чтобы разсказать о нихъ такъ же подробно, какъ мы разсказали о Ломоносовѣ, Линнеѣ, Дювалѣ, Вивіани и Ларамэ.

Однимъ изъ самыхъ за-

мѣчательныхъ юныхъ ученыхъ считается шотландецъ *Яковъ Крёчтонъ*, жившій болѣе чѣмъ за триста лѣтъ до нашего времени. Когда ему исполнилось всего только пятнадцать лѣтъ, онъ явился въ Парижъ и сдѣлалъ тамошнимъ самымъ знаменитымъ ученымъ такое предложеніе, о которомъ заговорилъ съ изумленіемъ весь городъ:—онъ предлагалъ спорить съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно

то-есть, о какомъ угодно, ученомъ предметѣ, притомъ на какомъ угодно языкѣ — по-латыни, по-гречески, по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-арабски, по-еврейски, по-испански. Его вызовъ былъ принятъ; противъ него выступили до полусотни ученыхъ. Споръ состоялся въ большой залѣ при огромномъ стеченіи публики. Молодой Крёчтонъ удивилъ и восхитилъ всѣхъ; то,

что всѣ услыхали отъ этого мальчика, превзошло всѣ ожиданія. На каждый вопросъ, который ему задавали, онъ тотчасъ же и не задумываясь отвѣчалъ на любомъ языкѣ; часто въ своемъ отвѣтѣ, словно играя и забавляясь своими громадными знаніями, онъ говорилъ сразу чуть ли не на двѣнадцати языкахъ, то-есть, начиналъ свой отвѣтъ, положимъ, по-арабски, потомъ, черезъ нѣсколько словъ, продол-

жалъ по-латыни, потомъ по-испански, потомъ по-еврейски, и такъ далѣе. Всѣ присутствующіе при этомъ удивительномъ состязаніи мальчика съ ученѣйшими головами Парижа не могли сдержать своего восхищенія, и награждали юношу громкими рукоплесканіями и криками одобренія.

По окончаніи состязанія самый старшій изъ Парижскихъ ученыхъ обнялъ Крёчтона и громко объ-

явилъ его самымъ ученымъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Очень замѣчателенъ по своей ранней учености итальянецъ *Михаилъ Верино*, жившій почти въ то же время, какъ и Крёчтонъ. Его называли ребенкомъ - чудомъ. Онъ началъ учиться на восьмомъ году и черезъ два года, то-есть въ десятилѣтнемъ возрастѣ, онъ уже сталъ настоящимъ ученымъ, и его слава росла и распространялась по

всей Италіи. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, онъ написалъ книжку благочестивыхъ размышленій въ стихахъ, которую тогда же перевели на всѣ языки—французскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій; эту книгу читали повсюду въ училищахъ, въ семьяхъ, это была повсюду самая нужная, самая цѣнная настольная книжка. Но бѣднаго мальчика постигла судьба многихъ скороспѣлыхъ уче-

ныхъ; онъ слишкомъ ужъ заучился, не сообразилъ своихъ силъ, своего здоровья, и погибъ отъ истощенія силъ почти въ дѣтскомъ возрастѣ, на шестнадцатомъ году.

Знаменитый французскій ученый *Лапласъ* также поражалъ всѣхъ еще въ раннемъ дѣтствѣ своимъ трудолюбіемъ. Въ тѣ годы, когда другія дѣти едва только начинаютъ учиться грамотѣ, Лапласъ уже зналъ все, чему только

могъ его научить его учитель. Его родители хотѣли было, чтобы онъ сдѣлался священникомъ; но маленькій Симонъ Лапласъ успѣлъ уже пристраститься къ вычисленіямъ и изъ него вышелъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ математиковъ и астрономовъ.

Другой французскій же ученый *Даламберъ* былъ въ дѣтствѣ подобранъ добрыми людьми на улицѣ;

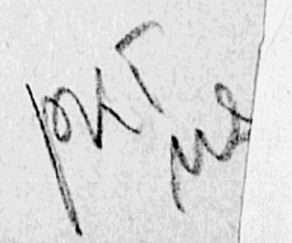
его просто бросили тамъ на произволъ судьбы, такъ что даже и впослѣдствіи не удалось узнать, кто были его родители. Когда онъ подросъ, его стали учить, и когда ему минуло десять лѣтъ, его учитель откровенно объявилъ, что больше онъ не въ силахъ ничему научить своего ученика, что мальчикъ знаетъ больше, чѣмъ онъ самъ, его учитель.

Мы могли бы привести десятки такихъ примѣ-

ровъ, но, къ сожалѣнію, наша книжечка не можетъ ихъ вмѣстить.

Дозв. ценз. СПБ., 9 дек. 1900 г. Тип. М. П. С.